

Так, тимуровки какие-то...

28 ФЕВРАЛЯ 1942 ГОДА, СУББОТА

Так получилось, что я вернулся из армии Федюнинского вдрызг больным. Приходя в себя, с тревогой и отчаянием поглядывал на подоконник, где лежала посылочка с тремя пакетами пшеничного концентрата от лейтенанта Сережи Пронякина.

Та посылочка, которую я согласился доставить в Ленинград его голодающей старушке матери. Он отказывался от ужина, когда все шли в офицерскую столовую военторга, обменивал талоны на сухой паек.

И что же? Все зря?

Едва очухавшись, я отправился пешком в дорогу дальнюю — на Петроградскую сторону, где в старом доме на Лахтинской жила Сережина мама.

Валентину Васильевну я нашел на кухне. Она сидела за столом в какой-то странной, противоестественной позе, с низко опущенной головой, и мне сперва показалось, что она спит. Но это был не сон. Валентина Васильевна была мертва и — по видимому — далеко не первый день.

На столе я увидел синий конверт с хорошо известным мне Сережиным адресом: полевая почта 4976, литер «П», младшему лейтенанту Сергею Платоновичу Пронякину. Рядом с конвертом лежало неоконченное письмо. «Прощай, мой Сереженька, твоя мама умирает позорной голодной смертью», — с этих слов началось послание сыну... Читать дальше я уже не смог.

Неожиданно в прихожей звякнул колокольчик, хлопнула входная дверь.

— Есть кто дома? — громко спросили из прихожей.

Не успел я ответить, как на пороге кухни появилась маленькая синеглазая девочка. Мрачно взглянув на меня, затем на мертвую Валентину Васильевну, девочка нахмурилась.

— Ну вот, я же знала, что зря пойду, а они настояли... Скажите, это вы отправляли заявление в начале января?

— Какое заявление?

— Насчет матери. Это разве не ваша мама? Вы лейтенант Пронякин?

Я сказал, что заявлений никаких не писал, что привез для Валентины Васильевны посылочку от ее сына Сережи, но опоздал.

Мы познакомились. Пигалицу звали Ксюшей.

В непомерно большой солдатской шапке-ушанке, в подпоясанном ремнем ватнике и стеганых солдатских штанах она была похожа скорей на мальчишку, чем на девочку. Лишь русые косички, торчавшие из-под шапки, да тоненький, почти детский голосок выдавали, что это девочка.

— Вообще-то я Ксения, — доверчиво сообщила она. — Ксения Ивановна Барышникова, но вы зовите меня Ксюшей. Меня все так называют...

Ксюша сказала, что состоит в бойцах КБО (комсомольско-молодежные бытовые отряды были созданы в самом начале 1942 года, первый из них появился на Петроградской стороне. Помощь от них получили 78 тысяч ленинградцев) при райкоме комсомола. Правда, она еще не комсомолка. Но у них есть свой штаб, своя докторша Римма Самойловна и своя повараха тетя Шура.

Вдвоем мы подняли тело Валентины Васильевны и перенесли его в комнату. Ксюша достала из шкафа две простыни, ловко завернула в них покойную. Партийный билет и паспорт Валентины Васильевны она спрятала к себе в сумку от противогаса, туда же положила пакеты с концентратом.

— Мы ее похороним в общем порядке... У нас транспорт имеется...

Штаб КБО помещался в угловом доме, где до войны была излюбленная студенческая закусочная. В помещении было за-

метно теплее, чем на улице. Посредине бывшего торгового зала возвышалась на кирпичном фундаменте самодельная печь — времянка. По обе стороны от времянки были расставлены десятка два узких солдатских коек, заправленных байковыми одеялами. На стене висела памятка бойца комсомольского бытового отряда. «Не гнущайся самой черной работы», — успел прочесть я одну из заповедей.

Сделал звонок в редакцию.

— Раз такое дело, — повезло тебе, собирай материал для очерка! — велел мне секретарь редакции, умевший из всего извлекать пользу для газеты.

Оглянувшись на Малявочку, я заметил, что она несмело улыбается.

— Ну, я пойду, у меня еще четыре адреса, — повеселевшим голосом объявила Малявочка.

— Если хочешь, давай вместе пойдем, — предложил я. — Вдвоем мы быстрее все сделаем.

Малявочка охотно согласилась. Все-таки точно прилепят у нас прозвища.

За дверью квартиры Кустовых на Лахтинской было тихо, и мы принялись стучать в четыре руки. Открыла нам старая женщина. Все комнаты большой и, как видно, густонаселенной квартиры были теперь заперты, и лишь в единственной, в самом конце коридора, жили теперь люди. Три человека...

В углу, на вылинявшей плюшевой тахте лежала девочка лет восьми или десяти. Увидев в комнате чужих людей, она чуть приподнялась, откинув одеяло и старенькую меховую шубейку, которыми была накрыта. Девочка ничего не сказала, ни о чем не просила, лишь выжидательно и не по-детски серьезно глядела на нас обоих.

— Лежи, лежи, Катенька! — открывшая нам женщина погладила ее по щеке, снова укрыв одеялом.

ОКОЛО 15 ТЫСЯЧ ДЕТЕЙ БЫЛИ НАГРАЖДЕНЫ МЕДАЛЬЮ «ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

Фото из Музея обороны и блокады Ленинграда.

Напротив Катеньки, на двуспальной никелированной кровати, лежал мужчина, по-видимому, глава семейства Кустовых.

— Кончается Семен Семеныч, — негромко сказала женщина.

Не тратя времени на сочувственные расспросы, Малявочка потрогала остывшую печурку, приподняла крышку чайника, чтобы убедиться, есть ли в нем вода.

— Делать нечего, придется варить ваш концентрат, — решила Малявочка. — Пронякиной он больше не нужен.

Но сварить концентрат оказалось не так-то просто. У Кустовых не было ни полена дров. Тогда Малявочка вывела меня в коридор, оценивающе осмотрела все вещи, и мы принялись снимать с петель дверцы платяного шкафа. Вернее, снимал их я, а Малявочка светила мне электрическим фонариком.

— Чужой шкаф, не наш, — предупредила вышедшая следом женщина.

— Какая разница! — решительно сказала Малявочка, и женщина сразу умолкла.

Спустя полчаса каша была готова. Запах пшенной каши для голодного нестерпим. Особенно действовал он на Катеньку, которая беспокойно задвигалась на своей тахте. Семен Семеныч лежал молча, глядя в потолок.

Первую тарелку жиденькой каши, похужей скорей на суп, чем на кашу, Малявочка поднесла Катеньке. Она строго предупредила девочку, чтобы та ела потихоньку, не спеша, но когда Катенька, обжигаясь и лихорадочно торопясь, начала есть, невольно отвернулась к окну. Ксюша —

конечно — сама была голодна, как были голодны все живущие в Ленинграде

— Спасибо тебе, добрый ты человек! — сказала женщина, принимая из рук Малявочки тарелку.

И вдруг заплакала, беззвучно и горько сотрясаясь всем телом.

— Ешьте скорее, остынет! — посоветовала Малявочка. — Римма Самойловна нам объяснила, что в горячем виде каша полезнее для организма. В ней больше калорий.

Женщина хотела отдать дочери свою порцию, но Малявочка не разрешила. Оглянувшись на Семена Семеныча, который бормотал что-то бессвязное, с огорчением убедившись, что каши осталось в кастрюльке совсем чуть-чуть, Малявочка взяла у Катеньки тарелку и добавила ей полную ложку. Затем, немного подумав, добавила еще одну ложку.

Уходя, Малявочка пообещала зайти на следующий день, а сама пошла на другой конец Лахтинской, где ее ждали еще в двух семьях.

— Поганое у них положение, еще хуже, чем у Кустовых, — сказала мне Малявочка. — Раньше вечера не освобожусь.

Я ей посоветовал прежде сходить в отряд и хоть немного отдохнуть. Малявочка вздохнула... и хмуро отмахнулась:

— Чего уж там, как-нибудь не рассыплюсь...

Так и расстались.

Редактор, прочитав очерк, скептически поморщился: «Что это ты высокопарно так их величаешь — БОЙЦЫ БЫТОВОГО ОТРЯДА? Так, тимуровки какие-то».

ПРИМЕЧАНИЕ

О встрече с А. В. Сапаровым в Оломне на Волховском фронте в феврале 1942 года пишет П. Лукницкий в книге «Ленинград действует» (М.: Сов. писатель, 1961, с. 635).